

Башня из слоновой кости

Коллекция русского искусства в Оксфорде

Русское искусство в западных коллекциях — всегда любопытное явление со многих точек зрения. Как оно там оказалось, почему ему посвящают выставки и каталоги? Разве это не удивительный феномен, что в центре учености Европы — Оксфорде (Музей Ashmolean) находится собрание художников группы «Мира искусства»? Многие из них жили в эмиграции, и ничего нет удивительного в том, что в частных руках оказалось немало их работ, но как они попали в публичное собрание — это интересная история.

Известный в России в свое время покровитель искусства Михаил Васильевич Брайкевич (1874—1940) собрал большую коллекцию мирискусников в Одессе, где он родился и жил. Профессия инженера-железнодорожника давала ему большие возможности часто бывать в Москве, в Петербурге. Он познакомился со всеми известными художниками своего времени, и в конце концов ему удалось купить более 100 замечательных картин. Таким образом, ничем не выдающийся инженер из Одессы стал известным в России человеком. Когда грянула революция, коллекцию национализировали, и она находится сейчас в Одесском музее русского искусства. Сам Брайкевич эмигрировал. Жил в Париже, в Лондоне, где стал собирать новую коллекцию. Но предпочтения его остались прежними.

Его главными фаворитами, как и раньше, были выдающиеся представители «Мира искусства» — Бенуа, Бакст, Сомов, он высоко ценил также Серова и Левитана.

Человек он был страстный, деятельный. Знал, чтобы собрать хорошие картины, надо забыть обо всем и быть рыцарем только по отношению к своей коллекции. Однажды он написал: «Любой серьезный коллекционер — эгоист, но не

для себя, а для своей коллекции. Он нестерпим и упрям и ни перед чем не остановится, чтобы купить картины хорошего художника, и только среди своих сокровищ он чувствует себя счастливым».

Это загадка, как Брайкевичу удалось уговорить графа Мусина-Пушкина продать портрет его жены графини Мусиной-Пушкиной, написанный Серовым. Никто не знает, почему Елена Рерих также уступила ему свой замечательный серовский портрет, но они оба оказались в коллекции Брайкевича и стали ее украшениями.

К счастью, Брайкевич в отличие от многих эмигрантов располагал достаточными средствами, чтобы оказывать покровительство постоянно нуждающимся художникам, после революции оказавшимся без работы на Западе: он давал им заказы на повторение их известных работ.

Самый любимый его художник Константин Сомов до революции, во времена успеха выставок «Мира искусства» в Петербурге, которые посещали сам император Николай II и знатная публика, был недоступен для многих покупателей. В одесской коллекции Брайкевича была только одна картина Сомова, так как коллекционеры Петербурга и Москвы скупали все его работы до открытия выставки.

А после 1924 года, когда Сомов приехал в Америку, а потом обосновался во Франции, Брайкевич стал его самым преданным покровителем. И лучшие работы позднего Сомова достались ему. В новом времени и в новом мире не находилось прежних поклонников галантных сцен из эпохи XVIII века. Брайкевичу, такому же несчастному эмигранту, как и Сомову, оторванному навсегда от милой родины, эти повторы неземных грез, где маркизы в кринолинах и

пышных париках блаженствуют на лоне природы со своими кавалерами, вероятно, служили утешением в ностальгической тоске о потерянном рае.

Подобную поддержку от Брайкевича получали и другие художники, в том числе и Бенуа, который в отличие от Сомова не так сильно нуждался, поскольку работал для театра. В то время подобное меценатство было уникальным. Брайкевич построил для художников своего рода башню из слоновой кости, как пишет Лариса Сальмина-Хаскелл в каталоге, выпущенном в Оксфорде «Русская живопись и рисунки». И действительно, на фоне глобальных опытов модернизма хрупкая, нежная тоска по прошлому мирискусника казалась старомодной, как никогда. Сегодня, спустя десятилетия, когда пространство времени раздвинулось, эстетические границы не кажутся уже такими невыносимо резкими и несоместимыми. И «Мир искусства» вновь кажется современным и свежим. Особенно театральным дизайн для русских балетов и оперы. Эта часть коллекции особенно интересна, так как в нее попало много работ высокого класса. Материальные возможности Брайкевича, его тесные связи с артистическими кругами Парижа отразились на его приобретениях. Так, ему удалось через Бенуа получить маленькие театральные шедевры Бакста — девять эскизов к дягилевскому спектаклю «Rossignol» (1914), которые сам художник ценил очень высоко.

Брайкевич хотел пристроить свою коллекцию в какую-нибудь английскую галерею с хорошей репутацией, как, например, Тейт Галэри. Но условие — включить ее в постоянную экспозицию — трудно выполнимо, а потому коллекция только спустя девять лет после смерти владельца нашла наконец свое место в Ashmolean Museum в Оксфорде, где она небольшими частями постоянно выставляется. В основном это графическое наследие, рисунки долго держать на свету нельзя, и они хранятся в нескольких больших папках. Благодаря любезности сотрудников музея мне удалось их недавно посмотреть. Тишина, кругом стеллажи, темные столы, неяркий свет. Принесли папки и белые перчатки, в которых полагается смотреть волшебные рисунки Бенуа, Сомова, Бакста, Билибина, Серова... По каталогу видно, что эти работы побывали на многих выставках в Лондоне и других городах Европы, они опубликованы в каталогах, книгах, написанных на Западе. Приятно сознавать, что часть русского искусства стала частью общеевропейской культуры.

Надежда ДАНИЛЕВИЧ.
(Спец. корр. «Культуры»).

ОКСФОРД — ЛОНДОН —
МОСКВА.

● Л. Бакст. Исидора Дункан.